

ПРАВДА ПОД НАПРЯЖЕНИЕМ

АЙКО АТАМИ

Айко Атами

Правда под напряжением

«Автор»

2026

Атами А.

Правда под напряжением / А. Атами — «Автор», 2026

Семь лет назад авария на грозовой станции сделала Лиду Вересову удобной виноватой, разрушила ее карьеру и помолвку с Антоном Ветровым. Теперь Лида возвращается в родной закрытый город всего на одну диагностику, но станция снова срывается в черный разряд, а старые телефоны, рации и приемники начинают говорить голосами прошлого. Чтобы удержать город от новой катастрофы, Лиде придется работать в паре с Антоном, который теперь возглавляет станцию и до сих пор живет с ценой своего старого решения. Их снова тянет друг к другу так же точно, как раньше они читали грозу вдвоем, но между ними стоят ложный акт, чужая диверсия и две собственные ошибки той ночи. Если они не вскроют правду, черная гроза убьет город. Если вскроют, могут потерять последний шанс снова выбрать друг друга — уже без лжи и полуправды.

© Атами А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Черный разряд	5
Глава 2. Голоса города	9
Глава 3. Внутренняя проверка	13
Глава 4. Чужой доступ	17
Глава 5. Ночные журналы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Айко Атами

Правда под напряжением

Глава 1. Черный разряд

Автобус выплюнул Лиду на мокрый битум и сразу закрыл двери.

Площадь у въезда в город почти не изменилась: низкая остановка, киоск с кофе и батарейками, ржавый щит на съезде к служебной дороге. Только люди смотрели осторожнее. Или она теперь прежде всего это и замечала.

Водитель поставил рядом ее серый кейс.

— Дальше сами, — сказал он.

До станции было меньше километра. Короткая диагностика. Акт. Утренний автобус обратно. Именно так Лида держала этот приезд в голове последние три дня.

У киоска кто-то негромко произнес ее фамилию.

Лида не обернулась. Поправила ремень сумки и пошла к служебной дороге. Слева за сеткой дрожали тополя. Ветер был еще пробный, но в железном ограждении уже шел ответный гул. На третьем шаге она остановилась.

Не дорожная вибрация и не люфт. Три коротких толчка, пауза, длинный низкий послезвук, как если бы в металле застряла память о старом ударе.

Лида поставила кейс на землю и приложила ладонь к сетке.

Холод. Сырость. Слабая дрожь.

Не ток. Неверный ритм.

Контур где-то дальше, за двором и башней, брал нагрузку не так, как должен был в такую погоду. Слишком рано. Слишком нервно.

— Туда сегодня лучше без бега, — сказали у нее за спиной.

Лида обернулась. У киоска стояла полная женщина в вязаной жилетке. Смотрела осторожно. Так смотрят на человека, чью беду помнят слишком хорошо.

— Спасибо, — сказала Лида.

Женщина кивнула, но глаз не отвела.

Лида сняла руку с сетки, подняла кейс и пошла дальше. После семи лет отсутствия город принял ее без лишних слов, как шов, который так и не стянули до конца.

Служебный двор станции начинался с бетонных плит и мутной лампы на проходной. Молодой охранник взял у нее паспорт, сверился с формой и запнулся на фамилии.

— Вересова?

Он поднял глаза слишком быстро, будто не собирался этого делать.

— Временная диагностика, — сказала Лида. — Меня ждут.

Охранник кивнул, нашел гостевой бланк и стал заполнять его от руки. За стеклом темнела главная башня станции. На ней уже мигали сигнальные огни, и один фонарь давал задержку в полтакта.

Охранник протянул карту доступа.

— Начальник сказал сразу к нему, — произнес он и почти шепотом добавил: — Там с контуром нехорошо.

Будто она сама этого не слышала.

Лида сунула карту в карман и пошла через двор. Под подошвами хлюпала вода. Возле щитовой стоял старый трансформаторный шкаф, который должны были списать еще до ее отъезда. На дверце темнел след от сварки поверх старого прожога. Лида задержала взгляд на этом месте дольше, чем было нужно, и пошла дальше.

У административного корпуса ее догнал знакомый запах: озон, горячая пыль и старая изоляция. Не сегодняшний перегруз.

Телефон в сумке коротко завибрировал. Мать. Лида не открыла сообщение и положила ладонь на холодную ручку двери.

Что-то изменилось раньше, чем она вошла внутрь.

Сначала просел общий гул станции. Ушел на полтона вниз, и от этой нехватки звука пространство сразу оголилось.

Потом мигнул наружный прожектор.

Потом металл под ее ладонью дрогнул так, что дверь коротко ударила в руку.

Лида резко обернулась к двору.

На башне сразу погасли два сигнальных огня. Над главной линией набухло неправильное черное свечение. Не вспышка. Пятно, которому там нечего было делать.

Сирена ударила на секунду позже.

Лида уже бежала.

Кейс остался у стены.

Она рванула аварийный вход плечом. Внутри пахло озоном сильнее. Узкий коридор резал глаза белыми лампами. Кто-то кричал в глубине узла. Кто-то ругался в рацию.

Черный всплеск пришел во второй раз.

Не сверху. Из сети.

Свет в коридоре на миг стал густым, как грязная вода, и в этом провале Лида услышала даже не звук, а его память: будто десятки старых динамиков снова вспомнили, как шипеть.

Она знала, куда бежать. На станции опасность всегда шла одной дорогой: самым коротким путем к людям.

***

К началу ночной смены Антон уже пожалел, что не отменил диагностику до утра.

Не потому, что Лида Вересова была плохим специалистом. Наоборот. Она появлялась там, где узел уже шел вразнос, и обычно оказывалась права на две минуты раньше приборов. Для станции, которая последние семь лет держалась на одном режиме, это было и подспорьем, и угрозой.

Он стоял у стола аварийного дежурного и смотрел на карту нагрузки. Одна из боковых линий поджирала резерв быстрее расчета. Вера Дёмина листала бумажный журнал с таким видом, будто могла силой воли заставить цифры совпасть.

— Северный рукав снова гуляет, — сказала она. — Я уже два раза снимала пик.

— Вижу.

Антон не любил повторов, если они не меняли решения. Но Вера говорила не ради информации. Ей нужен был человек, который скажет, что контур еще держится. Антон мог бы сказать. Проблема была в другом: он не был уверен.

Он провел пальцем по нижней кромке схемы. Угол бумаги размок от чьей-то кружки. Телефон прямой линии моргнул входящим и тут же погас. Из сервдвора передали, что приглашенный диагност зашел на территорию.

— Поставь Лаврова на западный обход, — сказал Антон. — И еще раз проверь уставку по памяти. Не на экране. Руками.

— Уже проверяли.

— Значит, еще раз.

Вера перевернула страницу журнала.

— Там все по норме.

— Значит, не все.

Он не успел договорить.

Напряжение на боковом щите провалилось так резко, что стрелка старого вольтметра ударилась о край сектора. Свет моргнул. В глубине коридора кто-то выругался. Потом щелкнул один из настенных динамиков, давно выведенный из общей линии.

Антон уловил это раньше, чем собрал в мысль.

Не просто перегруз. Сдвиг характера нагрузки.

Контур пошел не в перегрев. В разнос по памяти.

— Снимаем третий пакет, — крикнул он. — Вера, аварийный канал. Добрынина сюда. Быстро.

Кто-то уже побежал к ручному щиту. Сервисник на дальнем посту дернул рубильник раньше команды и сразу отшатнулся: вместо разгрузки линия выдала ответный толчок, от которого по корпусу побежала черная рябь.

Антон шагнул к основному блоку и увидел, что резерв тоже пошел вниз. Не потому, что не хватало мощности. Что-то удерживало контур открытым там, где он должен был захлопнуться.

— Не туда, — сказала Лида у него за спиной. — Если сейчас снимешь резерв, память уйдет в рабочую сеть целиком.

Он обернулся так резко, что едва не задел ее локтем.

Она стояла в дверях коридора без каски, с мокрыми висками и гостевой картой на груди. Смотрела не на него. На схему, на корпус узла, на черную рябь, уже лизнувшую контактную гребенку.

— Второй пакет, — сказала Лида. — Только второй. И перекрой ручной мост справа.

— Справа нет моста, — отрезала Вера.

— Есть, если у вас старую перемычку не вырезали.

— Не время спорить, — бросил Антон.

Но он уже смотрел туда, куда Лида показала подбородком. За корпусом, под пломбой на аварийной панели, темнел маленький скрытый рычаг. Старый обход, про который большая часть новой смены не знала.

Он сорвал пломбу.

— Лавров, назад. Вера, второй пакет. Сейчас.

Дальше они заговорили коротко, почти без грамматики.

— Держу.

— Правее.

— Не щит, гребенка.

— Вижу.

— Еще пол-оборота.

Руки помнили быстрее головы. Лида уже была у бокового шкафа, пальцами на металле. Антон перехватил основную нагрузку, Вера с запоздалым злым выдохом сняла часть памяти по второму пакету, и черная рябь на секунду застыла, будто прикидывала, куда ударить дальше.

В эту секунду из старого динамика под потолком пошел звук.

Сначала белый шорох. Потом треск. Потом голос.

Не архивная лента. Не дежурная запись.

Голос диспетчера Никитина, погибшего в первую аварию, Антон узнал сразу.

— ...третий... — прохрипел динамик.

Все в узле замерли.

Лида подняла голову. Вера сжала журнал так, что хрустнула обложка.

Голос сделал паузу, будто пробивался не через сеть, а через толщу воды.

— Третий уже внутри.

Динамик захлебнулся обратным свистом. На щите осыпалась искра. После этого контур вдруг, слишком послушно, упал в допустимый коридор.

Тишина продержалась секунды две.

— Это кто сейчас включил запись? — спросила Вера. Злость в ее голосе держалась крепче страха.

Никто не ответил.

Антон смотрел на приборы. Они вели себя почти нормально. Только стрелка на старом вольтметре дрожала мелко, как у человека после озноба.

Если бы Лида вошла на минуту позже, смену пришлось бы вытаскивать из полной аварии. И если станция заговорила голосом мертвого диспетчера, короткой диагностикой это уже не лечилось.

Он выпрямился, сжал пальцы на краю стола и только тогда заметил, как давно не дышал нормально.

Лида перевела взгляд со щита на него.

Не спросила: ты тоже это слышал?

Не нужно было.

— Людей по постам, — сказал Антон. — Никого одного в узлы не пускать. И журнал на стол мне.

Вера дернула головой, подзывая смену. Кто-то бросился к рации. Кто-то перекрестился слишком быстро и сделал вид, что просто поправил ворот.

Лида осталась на месте.

— Это не был случайный выброс, — сказала она.

— Вижу.

— У тебя память в контуре кто-то держит открытой.

Антон встретил ее взгляд.

— Тогда будем искать кто.

За дверью снова завывла сирена, на этот раз коротким предупреждением. Не авария. Пока только напоминание, что ночь еще даже не началась.

Короткой диагностики больше не было.

Глава 2. Голоса города

Старый приемник на подоконнике между третьим и четвертым этажом сказал мужским голосом:

— Не подписывай без меня.

Лида остановилась на лестнице. Приемник стоял без шнура, с обломанной антенной и треснувшей крышкой. Из квартиры напротив сразу щелкнул замок.

Соседка Зина выглянула на цепочке, сперва на прибор, потом на Лиду.

— Началось, — сказала она и закрылась.

Мать открыла после первого звонка. Похоже, и правда ждала у двери.

— Заходи.

На кухне горела одна лампа, чайник уже кипел. У окна стоял еще один приемник, отключенный от сети. Рядом лежал листок с расписанием автобусов.

— Даже не начинай, — сказала Лида, снимая куртку.

— Я уже начала. Первый автобус в шесть сорок.

Тамара взяла куртку, оглядела дочь и сразу нахмурилась.

— А где кейс?

— На станции.

— Тем более.

Лида села к столу. Колени ныло, под ногтями еще держался черный налет с аварийной панели.

— Я заберу кейс, закрою акт и уеду.

— Ты приехала, и через три часа в городе заговорили старые железки.

— Не из-за меня.

Мать поставила перед ней чашку.

— Им хватит простого: Вересова вернулась, и снова началось.

Она говорила не зло. Устало. Как о вещи, которая уже пришла и никого не спросит.

Лида отпила чай.

— Тогда у них был отчет. Сейчас по городу ходят голоса. Если память контура выбросило в низкую сеть, она цепляется за все старое железо, где еще живы магнитные головы и плохая изоляция.

— Ты опять говоришь об этом как о схеме.

— А как мне говорить?

Тамара оперлась ладонями о стол.

— Как человек, который уже один раз остался здесь дольше, чем следовало.

У Лиды дернулась щека.

— Ты сейчас о чем?

— О том, что замолчанные вещи не исчезают. Они находят другой провод.

Кухонный приемник хрипнул.

Из динамика пошел шорох. Потом молодой женский голос сказал:

— Мам, я утром верну ключи.

И все.

Тамара побледнела.

— Чей это голос?

— Иры Соколовой. С первого подъезда. Перед тем как уйти к мосту.

Лида коснулась корпуса. Теплый. Значит, внутри короткая наведенная подпитка, а не мертвый остаток. На лестнице уже шептались.

Ниже хлопнула дверь, и кто-то вслух сказал: «Опять». Не с ужасом. С усталым узнаванием. Будто городу снова подсунули старый счет.

— Она приехала вчера вечером.

— А ночью у Серебряковых часы заговорили.

Стыд пришел быстро, но следом встал расчет. Если выброс уже достает жилые дома, узел не просто сорвало. Канал кто-то или что-то держит открытым.

— Лида, уезжай до рассвета, — сказала мать уже тише. — Хоть раз выбери себя.

— Я семь лет этим и занималась.

— Нет. Ты семь лет доказывала, что можешь жить после них.

Мать редко произносила «они» без имен. Сегодня хватило и этого. Авария, станция, люди с подписями под бумагами, Антон среди них. В одном коротком слове снова поместился весь город.

Ответа у нее не было. Только окно, темный двор и слишком ясная картинка утренних чатов, где ее фамилия пойдет через каждое второе сообщение.

Она легла на старый диван и провалилась в рваный сон. Сирена, голос Никитина, рычаг под пломбой. В шесть ноль пять завибрировал телефон.

Номер станции.

Лида ответила сразу.

— Вересова? — голос Веры Дёминой был хриплым от недосыпа. — Ваш кейс у меня под столом. И люди тоже, если уж на то пошло.

— Что нужно?

— К девяти в диспетчерскую. Начальник собирает смену и хочет, чтобы вы вслух объяснили, что именно вчера услышали и через что это полезло в город.

— Он хочет или персонал требует?

— Сегодня это одно и то же.

Вера отключилась.

Тихо переночевать не вышло. Остаться незаметной тоже. Станция уже позвала обратно.

***

Серый кейс Лиды стоял у стены диспетчерской как лишний человек.

Антон заметил это сразу. Вера не убрала его в кладовую, значит, решила держать под рукой и под глазами. Правильно.

В комнате плохо горел верхний свет. Ночная смена еще не разошлась, утренняя уже пришла. На столе лежал список адресов, откуда с шести утра звонили в дежурку из-за говорящих приемников и часов.

Девять адресов за сорок минут. Старый центр, южный сектор, дома у речного моста. Все на старой технике. Ничего случайного.

— Начнем, — сказал Антон.

Вера захлопнула журнал. Павел Добрынин остался стоять у стены. Лавров тер переносицу. Остальные смотрели так, как смотрят люди, которым нужна версия и для семьи, и для себя.

— Никто не ходит в узлы один, — сказал Антон. — Все аномальные срабатывания фиксируете по времени, устройству и месту. Старые динамики, приемники и резервные панели по возможности снимаем с линии.

— «По возможности» не ответ, — сказала Вера. — Мне нужна формулировка, которую я смогу сказать смене и своей матери.

— Нужна точная.

— Тогда давайте точную.

Молодой техник из новой смены сказал быстрее, чем следовало:

— А если точная такая, что вчера привели человека со стороны, и после этого полезло все сразу?

Комната чуть повернулась к кейсу.

— Точная такая, — сказал Антон, — что этот человек со стороны вчера удержал узел, пока вы спорили, какой пакет снимать.

Парень замолчал.

— Я не собираюсь назначать удобную виноватую только потому, что так проще, — продолжил Антон. — Кому нужен готовый ответ, идите в городской чат.

Павел кашлянул.

— Это не про покойников. Это про то, что вовремя не вынесли на свет. Сеть теперь гонит остаток по железу.

— Палыч, без образов, — сказала Вера.

— Это не образ. Когда контур держат на полуправде, он потом ищет себе выход.

Антон промолчал. Старую подпись под старой бумагой он помнил слишком хорошо. Тогда логика была простой: сначала удержать станцию, потом разберемся. Потом так и не наступило.

— Хорошо, — сказал он. — Без образов и без лжи. Ночью произошел выброс памяти из аварийного контура. Сейчас эта память цепляется за старые устройства по городу. Причина не установлена. До выяснения считаем ситуацию рабочей аварией с риском повторного цикла.

— И что людям делать дома? — спросил Лавров.

— Не оставаться с такими срабатываниями в одиночку. Не вскрывать панели самим. Не пытаться перезаписывать устройства поверх. Сообщать в дежурку адрес и время.

Вера посмотрела на кейс.

— А станции что делать?

Ответ был готов еще с ночи.

— Перестать делать вид, что это локальная поломка, — сказал Антон. — И привлечь того, кто уже один раз правильно прочитал узел.

— Вы хотите вернуть ее в контур официально?

— На этот цикл, да.

— После того, как весь город уже решил, кто все разбудил?

— И после того, как половина смены решит, что вы ставите ее над ними, — добавила Вера.

— После того, как я сам видел, кто не дал узлу разнести смену.

Сказал слишком резко и сразу сбавил тон:

— Мне нужен не символ. Мне нужен специалист.

Вера отвела взгляд первой.

— Я ей позвоню. Но персонал будет задавать вопросы.

— Пусть задает мне.

Он раздал короткие задачи по адресам и панелям. Люди записывали, потому что работа все еще лучше страха. Каркас пока держался.

Когда планерка уже распадалась, на служебном телефоне Антона вспыхнуло сообщение из регионального управления.

Внутренняя проверка по факту аномального выброса. Куратор А. Шеин выехал на станцию N7. Прибытие ориентировочно 10:30. Подготовить журналы, допуски и объяснительные ответственных лиц.

Вера заметила его лицо раньше, чем экран.

— Что там?

Антон не сразу заблокировал телефон.

— Шеин едет, — сказал он.

В диспетчерской стало тише, чем ночью после голоса.

Глава 3. Внутренняя проверка

Ключ от архивной комнаты висел на старом щите в конце коридора, за стеклом с сеткой трещин.

Лида увидела его еще издалека и прибавила шаг. Коридор за диспетчерской был узкий, с низкими лампами и запахом бумажной пыли, металла и старой магнитной ленты. На дверях архива еще держалась табличка «комната носителей», хотя последние годы все делали вид, что никакие носители станции уже не нужны.

Она остановилась у щита, подняла руку к ключу и услышала за спиной:

— Нет.

Вера Дёмина шла к ней с журналом под мышкой и свежими распечатками.

— Мне нужен архив, — сказала Лида.

Вера встала между ней и щитом.

— Пока без доступа.

— Если голоса пошли через старые магнитные головы, мне нужны ленты старой аварии и журналы съема. Сейчас, а не когда по ним уже пройдут чужие руки.

— Сейчас у меня город сыпет адресами, — ответила Вера. — И начальник сказал сперва удержать текущий режим.

— Текущий режим уже вышел за станцию, — сказала Лида. — Если архив опечатают, потом будет поздно.

— А если я открою тебе дверь без регистрации, объяснять потом будут не это. Будут спрашивать, почему внешний диагност с личным интересом полез в закрытую комнату до проверки.

Лида уже открыла рот, чтобы ответить, и в эту секунду из соседнего коридора вышел Антон.

Он был без пиджака, в темной рубашке с закатанными рукавами и телефоном в руке.

— Что здесь? — спросил он.

— Архив, — сказала Лида. — Сейчас.

— Нет, — ответил он сразу.

— Мне не нужно твое «потом», — сказала она. — Если аномалия цепляется за старые носители, архив либо уже фонит, либо его сейчас закроют первым.

— У меня два узла на ручном контроле и город на телефоне, — сказал Антон. — Сначала держим режим.

— Ты уже один раз так сказал.

Вера едва заметно отвела взгляд. Антон не двинулся.

— Не здесь, — сказал он тише.

— Нет, именно здесь. Пока дверь еще не заклеили красивой бумажкой.

Лида шагнула к щиту. Не к нему. К ключу. Антон встал между ней и стеклом. Дистанция осталась рабочей. Даже слишком.

— Лида.

Он сказал только имя, но в нем уже лежал приказ.

За поворотом хлопнула входная дверь коридора. Сразу стало слышно несколько чужих шагов, слишком ровных для станции после ночной аварии. Кто-то из администрации ускорился вперед, кто-то уже на ходу начал говорить вежливее обычного.

Вера первой вытянулась.

— Приехали, — сказала она.

Аркадий Шеин вошел в коридор без суеты, в светлом плаще поверх темного костюма. За ним шли двое из регионального управления: женщина с планшетом и мужчина с папкой. Шеин снял перчатки на ходу, оглядел коридор, щит с ключами, Лиду, Антона, Веру.

— Антон Сергеевич, — сказал он. — Уже начали без нас?

Голос был ровный, гладкий. Под такой люди сами начинают говорить короче.

Антон сделал полшага назад, освобождая проход.

— Рабочий режим, — сказал он. — Держим контур и собираем адреса по городу.

— Вижу.

Шеин посмотрел на Лиду так, будто сверял ее не с памятью, а с папкой.

— Лидия Вересова. Давний профиль.

— Живая версия тоже есть, — сказала Лида.

— Тем лучше. Значит, можно говорить предметно. Что именно вы пытаетесь открыть?

— Архив старых лент и журналы съема, — ответила Лида. — Ночная аномалия идет через старые носители. Если след остался вне рабочей сети, он там.

— Или там останется ровно след вашего интереса, если полезть без процедуры, — сказала Вера.

Шеин повернул голову к ней.

— Верно. Как вас?

— Дёмина. Диспетчер смены.

— Хорошо, Дёмина.

Он подошел к двери архива. На косяке еще держался старый номерной штамп комиссии, выцветший до ржавого прямоугольника. Лида узнала рисунок сразу.

— Беда в том, что ваша процедура приходит раньше вашего взгляда.

Шеин повернулся к ней.

— Наоборот. Сначала нужно не развалить станцию и не превратить технический сбой в городскую истерику. Смотреть мы тоже будем. Но смотреть так, чтобы после этого еще осталось чем держать сеть.

— У вас уже готова фраза для отчета?

— У меня готова обязанность не разносить полрегиона из-за чужой спешки.

— Это не горячность. Если память полезла в бытовую сеть, кто-то когда-то открыл ей путь вручную. Старые ленты могут показать, где именно.

— Могут, — согласился Шеин. — А могут дать вам очередной красивый повод увидеть только то, что подтверждает вашу личную версию.

Антон до этого молчал. Теперь сказал:

— Лида права в одном: архив может понадобиться быстро.

Шеин перевел взгляд на Антона.

— Понадобится. После регистрации допуска и в рамках внутренней проверки.

— Это потеря времени, — сказала Лида.

— Это управление риском.

Он снял с папки мужчины чистый бланк и отдал его Вере.

— Комнату временно ограничить. Вход только по моему распоряжению или по распоряжению начальника станции в присутствии комиссии.

Вера взяла бумагу без радости.

— Принято.

Лида коротко рассмеялась. Без веселья.

— Даже красиво.

Шеин убрал перчатки в карман.

— Воздух станция потеряет, если каждый здесь будет работать в своем личном жанре. А сейчас, насколько я понимаю, вы все еще в аварийном режиме.

— Мы проведем внутреннюю проверку, — продолжил Шеин. — Без внешней огласки и без утечки сырых материалов в город. Когда будет подтвержденная картина, тогда и будем решать, что говорить дальше.

Лида посмотрела на дверь архива, на чистый лист в руках Веры, на Антона, который не спорил. Версию у нее отжимали прямо на глазах.

***

Шеин сел в кабинете Антона так, будто уже бывал здесь много раз. На столе лежали утренние сводки, список адресов и тонкая папка с логотипом регионального управления.

Антон закрыл дверь сам.

Шеин откинулся на спинку стула, оглядел кабинет и остановился на стекле.

Шеин положил ладонь на папку.

— Я приехал не допустить повторного каскада. И сейчас он начинается не только в контуре. Он начинается в людях.

Антон остался стоять.

— Люди уже слышат голоса у себя дома, — сказал он. — Это не удержать формой приказа.

— Не приказом. Последовательностью. Сначала изолируем аномалию. Потом собираем материалы. Потом решаем, какой объем правды сеть и город вообще могут переварить без второго обрушения.

Антон посмотрел на папку.

— Что там?

— Проект внутреннего протокола. Ограниченный доступ к архиву. Временный статус внешнего диагноста без самостоятельного допуска. Единый канал комментариев наружу.

— Иными словами, держим Вересову на коротком поводке.

— Иными словами, не даем человеку с прямым личным интересом первым назвать смысл этого кризиса.

Антон наконец сел. Кресло скрипнуло коротко, как упрек.

— Она нужна станции.

— Я этого не отрицаю. И именно поэтому предлагаю не выталкивать ее сразу. Пусть работает там, где ее видите вы. Но не там, где она успеет вскрыть полкомнаты материалов и вынести из них собственный приговор раньше комиссии.

Антон молчал.

Шеин чуть подался вперед.

— Семь лет назад было хуже, — сказал он. — Намного хуже. Вы это помните.

Антон помнил перегретый узел, мертвого Никитина, Лиду с лицом белее аварийной лампы и бумагу потом. Бумагу, под которой он поставил подпись не потому, что считал ее правдой, а потому, что тогда это казалось единственным способом не добить станцию.

— Тогда станцию не закрыли, — продолжил Шеин. — Людей не разогнали. Модернизацию не похоронили. Район прошел зиму не на резерве. Это тоже часть фактов, как бы неприятно ни было их помнить.

— И часть других фактов вы тоже помните.

— Разумеется.

Шеин не отвел глаз.

— Но сейчас вопрос не в нравственной чистоте воспоминаний. Сейчас вопрос в том, готовы ли вы второй раз быть начальником, а не свидетелем собственной совести.

Антон провел пальцем по краю стола. Сухое дерево. Мелкая зазубрина возле старого прожога.

— Я не подпишу на нее новый ярлык с порога, — сказал он.

— И не надо.

Шейн ответил сразу. Будто именно этого и ждал.

— Я прошу порядок. Временный. До подтвержденной картины. Без самовольных доступов и внешнего шума.

Антон поднял глаза.

— А если подтвержденная картина вам не понравится?

— Тогда будем решать по фактам, а не по боли.

Вместо этого Антон спросил:

— Сколько у меня времени?

Шейн чуть расслабил плечи. Слишком незаметно для человека, который не ждал этого вопроса.

— До вечера. К этому времени мне нужны журналы, доступы и внутренние объяснительные по ночной смене. Вересову из контура сейчас не выводим. Но архив и старые ленты — только через меня или при мне. Если к вечеру не появится иного основания, так и оставим.

Не победа. Только отсрочка.

И даже это было грязно.

Антон кивнул один раз.

И в ту же секунду на его служебном телефоне вспыхнул входящий с удаленного узла.

Он взглянул на экран. Восточный обход, узел 4-Б. Не дежурный вызов. Аварийный приоритет.

Антон принял.

— Слушаю.

Сначала в динамике был один треск, потом чужое быстрое дыхание и голос дежурного:

— Начальник, у нас повтор. Память опять полезла в линию. Не как ночью, но близко. На старом резервном щите голос и черный провал по стрелке.

Антон уже встал.

— Людей от узла. Никого одного не оставлять. Я иду.

— Там еще...

Связь треснула. Вернулась.

— Там второй фронт поднимается.

Шейн медленно поднялся тоже.

Дверь кабинета Антон открыл уже на ходу. За стеклом щитовая вошла в тот самый ритм, после которого день перестает быть днем и снова становится аварией.

Глава 4. Чужой доступ

Через двадцать минут после звонка о втором опасном выбросе на удаленном узле 4-Б они уже были на месте.

Старый резервный щит на узле 4-Б говорил мужским голосом, но слова тонули в ветре.

Лида услышала только обломки:

— ...не туда...

Потом щит захлебнулся сухим треском, и стрелка на круглом приборе провалилась в черный сектор, которого там не должно было быть вовсе.

Узел стоял на окраине города, за пустыми складами и мокрым полем. Металл на лестницах блестел от дождя, дежурная бригада под навесом сбилась слишком тесно.

Антон шел впереди, коротко и быстро, не оборачиваясь. Лида догнала его уже у ступеней.

— Когда началось? — спросила она у ближайшего техника.

— Минут семь назад, — ответил тот. — Сначала провал по стрелке, потом голос. Мы сняли локальную нагрузку, но щит снова набрал.

— Кто вскрывал панель?

— Никто.

Он сказал это слишком быстро.

Антон резко повернул голову.

— Никто?

Мужик дернул плечом.

— Мы только крышку снимали. Посмотреть, не закусило ли реле.

— Это и называется вскрывали, — сказала Лида.

Она поднялась на площадку раньше, чем Антон успел ответить. Щит был старый, с ручными шайбами и новым пластиковым хомутом там, где раньше стояла пломба. Внутри пахло сырой изоляцией и тем сладким перегревом, который Лида уже знала наизусть.

Лида присела к панели.

— Не трогать, — сказал Антон за спиной.

— Уже тронули.

Она провела пальцами вдоль кромки. На правом углу крышки остался свежий след отвертки. Не заводской. Живой, утренний.

— Кто здесь дежурил прошлой ночью?

— Я, — сказал тот же техник. — И Сеницын.

— Сеницын где?

— На линии.

Антон шагнул к площадке.

— Лида, вниз. Сначала снимем людей, потом ползем.

— Если сначала снимешь людей, этот узел опять станет ничьим. А ничьи узлы врут лучше всех.

Из щита опять пошел шорох. Потом тот же мужской голос, уже чище:

— Не туда ведешь.

Кто-то внизу выругался.

Лида не обернулась.

— Это не архивная запись, — сказала она. — Слышишь, как режет окончание? Память тянут через сопротивление, а не через штатный носитель.

— Я слышу, что узел сейчас даст в руку, если ты еще на полшага ближе подойдешь, — сказал Антон.

— Тогда не давай ему этого.

Она протянула руку к внутренней шине. Не касаясь. Просто ведя пальцами над металлом, как над горячей трубой. Ритм здесь был не ночной. Ночью память шла широким разливом. Сейчас была узко, будто кто-то нашел старый служебный проход и снова его пробует.

Лида резко подняла голову.

— Правый ввод.

— Что?

— Правый ввод в рабочую сеть. Его не открывает обычный износ.

Антон уже смотрел туда же.

На нижнем блоке темнела тонкая нестандартная перемычка. Не штатный кабель. Не заводская сборка.

— Не трогали, говоришь, — бросил Антон технику.

Тот побледнел.

— Это старое. Оно так и было.

— Вопрос не в том, старое ли, — сказала Лида. — Вопрос в том, зачем это вообще живо.

На пластине рядом с перемычкой виднелся затертый номер допуска. Первые цифры не читались, последние две остались: 17.

Ветер ударил в площадку так, что щит качнулся на петлях. Внизу кто-то крикнул, чтобы отходили от линии. Стрелка дернулась еще глубже в черный сектор.

— Лида, вниз, — сказал Антон уже без спора.

— Нет. Сначала смотри.

Она схватила из бокового кармана щита тонкий контрольный щуп и завела его под перемычку. Проверить направление.

Щит ударил голосом снова:

— ...внутри...

Слово оборвалось, а следом пошел токовый толчок в корпус. Лиду дернуло вперед.

Антон перехватил ее за плечо и резко потянул назад.

— Ты с ума сошла?

— Нет.

Она вырвалась ровно на столько, чтобы снова видеть панель.

— Теперь вижу.

Антон не отпустил сразу.

— Что именно?

Лида ткнула щупом в перемычку.

— Память идет не через старую полонку. Ее когда-то пустили вручную в рабочий правый ввод, как обход. Не мой контур, не моя ошибка. Кто-то открыл ей дорогу инструментом и потом замаскировал под времянку.

Внизу стало тихо.

Антон отпустил ее плечо. Не мягко. Осторожно.

— Доказать можешь?

— Да, но не отсюда.

— Что нужно?

Лида смахнула воду с лица.

— Запечатанный аварийный контур и журналы закрытого доступа. Если эта перемычка шла по служебному ходу, след должен быть или в старых допусках, или в консервационном пакете по обходам.

— То есть опять архив.

— И официальный доступ к закрытому контуру тоже.

Один из техников снизу сказал:

— Это значит, семь лет нам всем ввали?

Антон развернулся к бригаде.

— Узел в ручной изоляции. Никого по одному не оставлять. Перемычку не трогать, щит не закрывать, пока не снимем фотофиксацию и показания. Дежурный журнал сюда. Сейчас.

Лида спустилась с площадки только когда он это сказал. Колени дрожали не от страха, а от того пустого провала внутри, который остается после точного риска.

Антон забрал у техника журнал и пролистал пару страниц прямо под дождем.

— Здесь дырка, — сказал он.

Лида взяла журнал у него из рук. Между двумя сменами трехлетней давности вырван лист. Неаккуратно, по корешку. Так рвут не случайно и не в спешке, а когда точно знают, что ищут.

— Мне нужен доступ, — сказала она.

— Не здесь, — сказал он.

— Нет. Здесь тоже.

Она повысила голос ровно настолько, чтобы услышали все.

— Я требую официальный доступ к запечатанному контуру и журналам закрытого допуска. При всей смене. Иначе завтра кто-нибудь снова скажет, что я услышала то, чего не было.

Внизу Павел, приехавший позже с фотосумкой, поднял голову и коротко кивнул.

Антон ничего не ответил сразу. Только взял из рук Лиды журнал и захлопнул его.

— Возвращаемся на станцию, — сказал он. — Здесь все сохранить. Ничего не трогать до моего распоряжения.

Не «нет». Уже и не «нет».

Но и не то, что ей требовалось.

Лида села в служебную машину с мокрыми рукавами, грязью на ладонях и почти забытым чувством быть на своем месте. Почти. Потому что место еще не значило права.

***

Шейн занял малый переговорный кабинет под штаб проверки. В коридоре перед архивом висела свежая лента ограничения. Вера держала смену и телефоны. Павел оформлял фото по узлу 4-Б. Город продолжал звонить.

На столе лежали два документа.

Первый: внутренний протокол Шейна с ограничениями на архив и закрытые контуры.

Второй: черновик временного назначения технического советника по аварийной диагностике. Старый рабочий шаблон, которым почти не пользовались. Он давал Лиде не свободу, а окно. Узкое. Опасное. Под его личную подпись.

В дверь постучали один раз.

— Да.

Вошла Вера.

— Шейн спрашивал журналы по 4-Б, — сказала она. — И еще раз напомнил, что архив до утра без движения.

— Знаю.

Она посмотрела на бумаги на столе. Потом на него.

— Она права, — сказала Вера.

Вера закрыла дверь плотнее.

— Если бы это была ее старая ошибка, я бы первая тебе сказала не подпускать ее к панели. Но на 4-Б не ее след. И не наш текущий. Там кто-то давно оставил себе проход.

Антон ничего не ответил.

— Я не прошу тебя геройствовать, — продолжила Вера. — Я прошу решить, кто здесь врет опаснее. Она с ее злостью или мы с нашим порядком.

После этого она вышла, не дожидаясь ответа.

Антон сел за стол и взял шаблон назначения. Ручка оставила первую подпись легче, чем должна была. На второй строке рука задержалась.

Внизу скрипнула входная дверь кабинета. Лида вошла без стука, как человек, у которого нет сил еще и на вежливость.

— Если ты сейчас скажешь «завтра», я пойду через Павла и старый шкаф с ключами, — сказала она с порога.

Антон поднял на нее глаза.

— Поэтому и закрыл дверь.

Она замолчала.

Антон подвинул к ней лист.

— Временный технический советник по аварийной диагностике. До окончания текущего цикла. Под мою ответственность.

Лида не взяла бумагу сразу.

— Это шутка?

— Нет.

— Шеин тебя за это сожрет.

— Не сегодня.

Она прочитала первую строку, потом вторую.

— Это не покупает доверие. И старую подпись не отменяет.

Антон кивнул.

— Потому что ты права насчет сигнатуры. Потому что формальный путь слишком медленный. И потому что, если я еще раз выберу порядок раньше факта, можно больше не делать вид, что я от него отличаюсь.

Лида опустила глаза на лист снова.

— Это все еще тайком.

— Да.

— Удобно.

— Нет. Просто на большее я пока не вышел.

Антон встал, взял с сейфа связку старых ключей и небольшой опечатанный конверт.

— Здесь ключ от внутреннего шкафа архива и допуск к аварийному консервационному пакету. По журналу я проведу это как ночную сверку материалов для проверки.

— То есть соврешь красиво.

— Нет. Совру по форме.

— Хуже.

— Знаю.

Он обошел стол и передал ей ключи.

Пальцы коснулись на секунду. Этого хватило.

Лида первой убрала руку.

— Если там пусто, — сказала она, — я скажу это первой.

— Если там не пусто, тоже.

— И не режь потом половину фактов, потому что они тебе не нравятся.

Антон посмотрел на нее прямо.

— Постараюсь начать с этой ночи.

Она кивнула. Не простила. Просто отметила.

— Когда? — спросила Лида.

Антон выключил верхний свет в кабинете, оставив только настольную лампу.

— Сейчас.

Он взял журнальный фонарь, папку-прикрытие и шагнул к двери.

Лида подхватила серый кейс.

Вместе они вышли в полутемный коридор станции, туда, где за свежей лентой ограничения уже ждали пыль, старые журналы и чужой путь, однажды открытый вручную.

Глава 5. Ночные журналы

Архивная лампа гудела над столом с журналами допуска и раскрытым катушечником. Антон сразу увидел: Лида уже работает так, будто этих семи лет не было. Взяла нож для пломб с привычного места, надрезала бечевку на коробе лент и подвинула ему место под журнал. Без слов. Как раньше. Это было опаснее самого архива.

Лида почти сразу нашла коробку со штампом старой аварии.

— По допуску консервацию закрыли в 02:14, — сказал Антон.

— На коробке съём закончился в 02:26.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.